

Германова М. Об А.П. Чехове. (Отрывок из воспоминаний) //

Возрождение (Париж). 1933. 2 февраля. № 2802. С. 3–4.

Объ А. П. Чеховъ

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

поступилъ бы онъ, подожили, совсѣмъ на сцену или, наоборотъ, пришелъ бы въ намѣсто то, кто теперь зырялъ своей талантъ, то назбрное — въ завѣсности отъ этого для присутствія или отсутствія — нампилнась бы и физиономія театра.

Публика принимала насъ только какъ ансамбль, не вдумываясь въ то, что только своеобразность и разность индивидуальностей и могла создать такой звучный, стройный аккордъ.

Мы, актеры, работали надъ Чеховымъ не только сообща, въ пьесѣ, въ кругу, въ ансамблѣ, но каждый изъ насъ преломлялъ его у себя въ своей душѣ, на свой собственный ладъ, въ своей тайнѣ и молчаніи.

Обычнѣе съ теми же русскою литературою, проникновеніе ихъ, стремленіе подняться до ихъ высоты — это радость, ни съ чѣмъ несравнимая.

Это всколыхивало сознание русской землѣ, пробуждало гордость быть русской, срединно со всей прекрасной нашей русской культурою.

У меня лично самыми удачными ролями были русскія — Грушевска, Анна изъ «Жизни труппы», Ольга изъ «Трехъ сестеръ», Махлова изъ «На всякаго мудреца доводило простота», Донна Анна Пушкина.

Непробую и сказать, что можно достигнуть актеру у Чехова.

Первое и главное у него — это любовь къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, не любовь творца, а любовь человека къ человеку, любовь живого, какъ бы смѣшны, жалки, ничтожны они въ казались.

Вспомните всѣхъ этихъ сѣверскихъ людей и вы не найдете ни одного, на которомъ не почивала бы эта любовь автора.

И тѣ, кто хоть немного знали Чехова,

делаютъ, что это у него было не только къ своимъ героямъ, но и ко всѣмъ людямъ.

«Гордый взоръ иноземцевъ» найдеть вѣроятно, что это русская мягкотѣлость. Правда, есть у насъ такой грубъ и можетъ быть у многихъ, можетъ быть у большинства, можетъ быть у всѣхъ, но у Чехова это была любовь, истинная любовь къ людямъ.

За что же любить онъ ихъ? И не только самъ любить, а и насъ заставляетъ любить, и не только насъ, разныхъ намъ — русскихъ, но и чужихъ, иностранцевъ?

За чуждость? За слабость? За неспособностью къ жизни? Но, вѣдь, и другіе актеры описываютъ тѣ же свойства, такъ почему же у Чехова такъ близко и трепетно любилъ этихъ сѣверныхъ людей?

Жизнь, они самой обыкновенной жизни: влюбляются, ревнуютъ, предаются изменѣ, тушатъ пожаръ, прижакаютъ, улаживаютъ, разоряются, богатѣютъ, восторгаются, разочаровываются, мечтаютъ переѣхать въ другой городъ, сжечь себя, читаютъ лекціи, лечатъ, спорятъ, мирятся, утрачиваютъ имѣніе, иногда стрѣляютъ или стрѣляются въ другихъ. Жизнь полна событіями, но я къ чему особеннаго въ нихъ вижу, и на столько даже все обидно, что кажется, что ничего и не случилось, что все попрежнему.

Это особенно возмущаетъ или даже просто смѣшаетъ иностранцевъ: «Но почему же они не перѣлали дома и не перѣбрали въ Москву! Какъ могъ дядя Ваня, послѣ такого разочарованія, такой ссоры, опять мѣрять хуху и масло и остаться слушать у этой старой вѣдьмы — профессора?»

«Все равно дохъ слезаютъ — не лучше ли было бы послушаться умнаго совета, самимъ разбить въ частныя имѣнія и тѣмъ избѣжать разоренія?»

Но, несмотря на такіа догически и обоснованныя недовѣданіе и насмѣшки, почему же не презираютъ, все таки, иностранцы этихъ чеховскихъ героевъ, а, наоборотъ, краснорѣчно возради, поперекорѣ стихіямъ, любятъ и они ихъ.

Однѣ докладчикъ, говоря о Чеховѣ, называла его материализмомъ. Нечаянно вразумно, потому что имѣлъ названіемъ никака целиа назвать Чехова. Отъ реалистъ — да. Но его реализмъ — реализмъ духа. Не за лживыми жанровыми партиями, въ роушншя чаша за самоваромъ или судьями на сѣнѣ при вечерней зарѣ, забиванія старраго дома, разнесенна, пожарной суматохи, грозныхъ лѣтнихъ ночей, когда изъ за кипрпаа больного не спитъ весь домъ, уходъ военныхъ изъ города, старой женщины, мечтавшей объ записѣ... не лиз-за этихъ только, оздоровительно жизненныхъ, подрѣб постей дорогъ онъ намъ и такъ восхищаются имъ иностранцы. Кромѣ этой жнани, быстрой, прелестно и мастерски развертываемой перелѣ нами Чеховымъ, кромѣ этихъ событий и слезъ, и смѣха, и горя, и любви, которыя протекають, рѣдко-рѣдко выходятъ изъ полутона, кромѣ всей этой пре дельной, трогательной сути, тутъ же радомъ уворачал Чеховъ другую жизнь, другого плана, жизни духа.

Насколько видныя событія, несмотря даже на ихъ трагичность, кажутся намъ у Чехова незначительными, ничего незначительными — все остается попрежнему, никому не убавля, опять та же случайная работа, тѣ же слезы, та же мука и масло, опять не заплатилъ процентовъ, опять квартира въ Парижѣ на пятомъ этажѣ...

На сколько въ этомъ планѣ мало дѣйствія, на столько въ другомъ, духовномъ, это больше чѣмъ дѣйствіе, это духовный опытъ, опредѣляющій жизнь: это реальность, передъ которой та жизнь становится бездѣйственной, фантастической, какъ сонъ — опять все попрежнему... ничего не измѣняется...

Въ первомъ дѣйствіи «Трехъ сестеръ» Ирина описана просто мечтами объ работѣ. «Лучше быть каменщицомъ, разбивающимъ камни на дорожѣ», говоритъ она, — лучше быть доловой домашнѣ, чѣмъ молодой женщиной, которая ничего не тѣлеть. Если я не буду работать, откажите мнѣ въ вашемъ уваженіи. Какъ въ жаркомъ

погодѣ хочется пить, такъ мнѣ захотѣлось работать»... Прошло три года и вотъ въ третьемъ актѣ сцена почти отчаянія: — «Какъ я не убѣла себя до сихъ поръ... Я презираю, ненавижу все, что мнѣ лавитъ дѣлать, не могу а работать, не хочу работать... Я въ отчаяніи»...

Да, но — скажутъ многие — все это только слова. Непоказано, порѣжала, а все таки не хватало силъ ухватъ въ Москву, и осталось все попрежнему. Да — попрежнему, да — осталось, но почему же это насъ возмущаетъ, почему это не только жалко намъ и больно за это, а дорого и свято это для насъ?

Потому что, не безвольность это, не бездѣйтельность, а истинное смиреніе. Потому что эта героиня Чехова — русская душа — научилась терпѣть, смогла обрѣсти смиреніе.

Въ послѣднемъ актѣ Ирина говоритъ тѣ же слова даже, что и въ первомъ, такъ все попрежнему, въ житийскомъ планѣ.

«Когда я держала экзаменъ на учительницу, я плакала отъ радости, отъ счастья», и потомъ: «сейчасъ осень, наступила зима, все занесетъ снѣгомъ, а я буду работать, работать...» Тѣ же слова, все попрежнему. Да, правда, и въ Москву не сумѣла ѣхать. Да, правда — инертность! Никакого дѣйствія! Слова! Бездѣйствіе! Мечты! Да, да, все правда... Все правда виднѣе, въ этомъ видимомъ планѣ. А въ другомъ: какой путь выкала, какое дѣйствіе, какое движеніе! Подвигъ смиренія, вѣдь.

Ирина Зарѣчная въ «Чайкѣ» скажетъ и за нее и за себя: «Главное — это не блескъ, не слава, не то, о чемъ я мечтаю, а убійе терпѣть. Умѣй нести свой крестъ и вѣруй».

А самый прекрасный, самый чеховскій, послѣдній монологъ Ольги: «Пройдетъ время и мы уйдѣмъ навѣкъ и насъ забудутъ. Зобудутъ наши лица, наши голоса и скелѣтъ нашъ, было, но страданія наши обратятъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, и помянутъ насъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живъ въстѣ тесера. Милыя мои сестры, будемъ жить».

Соня утверждаетъ эту вѣру, Соня, которая опять попрежнему подводитъ счеты. «Ушло ступать костышки на счеты», а въ духовномъ планѣ, какъ органъ, прелетѣтъ слова вѣры: «Мы отдохнемъ, мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, когда все это земное растаетъ въ милосердіи, которое наполнитъ собой весь міръ».

Терпѣніемъ, смирениемъ, вѣрой проникнутую все творчество Чехова. Этихъ благодѣйствій онъ намъ, русскимъ, этихъ обвараживающихъ онъ даже иностранцевъ, хотя они и недоурачиваютъ надъ его героями и ихъ бездѣйтельностью.

Но эти свойства Чехова прогадываютъ не только иностранцы, но и русскіе: слушаютъ и не слышатъ, смотрятъ и не видятъ.

Многіе считаютъ Чехова бессмысленнымъ, спутаннымъ, унылымъ пѣвцомъ будней и слезъ жизни. Это непониманіе и есть причина, почему его никакъ не удавалось сыграть многимъ актерамъ и режиссерамъ не могли его ослѣпить.

Потому что они, главнымъ образомъ, стремились «создать настроеніе», ихъ увидѣла любилъ дядка Чехова. И они по сѣбому писали сѣбому же, играли только грусть и тоску и уныніе. Получалось томительно, безжизненно и скучно.

Они прогадывали душу Чехова и играли чеховскія пьесы или вѣрнѣе пьесы съ чеховскимъ настроеніемъ безъ души Чехова.

Если бы къ Ирину или Сонѣ или дядѣ Ванѣ мы подошли, какъ, напримеръ, подоходитъ публика къ актерамъ, и со словами и волненіемъ стали бы выражать имъ наше восхищеніе ихъ подвигомъ, то обвараживало бы ихъ очень сильно покоробила нашей неадекватностью, грубостью, они бы сконфузились, съжались и встарались бы поскорѣ отъ насъ отдѣлаться. Чеховъ и ихъ всѣхъ, своихъ героевъ, избѣжалъ скромъ

и страд его образы.

работая надъ образами, мы, актеры, старались проникнуть не только въ психологическую, но и въ душу образа. И приступая къ исполненію тайнахъ души образа, мы стараемся и къ самой душѣ автора.

Вѣдь актеромъ не значитъ только вибш претвориться въ роль. Это слово «претвориться» очень грубо, поверхностно, оно даже раздражаетъ какъ претвореніе непониманія, какъ стѣна, ограничивающая и задерживающая.

Претвореніе elasticity своего тѣла, излученіе голоса, пересозданіе психологическаго типа и строй — это, вѣдь, только претвореніе, виднѣе приемы ремесла. Главная же радость въ нашей работѣ, это творчество души, когда она ищетъ, когда она дышитъ, пока не найдеть точки соприкосновенія, пока не сользетъ съ души автора, съ творчествомъ души автора.

Во время его Московскій Художественный Театръ называла часто Театромъ Чехова и надо было, чтобы его такъ называли, потому что этимъ названіемъ знаменуетъ тудо слиянія Театра и Чехова.

И. Т. это результатъ творчества отъ таланта, иногда противоположно направленія, но эта то протнвопоставленность и давала жизнь и движеніе, и жизнь и талантъ.

Если бы не было Чехова, то театръ былъ бы совсѣмъ другимъ. Если бы не было Чехова, то, можетъ быть, Чеховъ тоже бы являе свой плесн. Это очевидно, но не только это, а можетъ быть, и такъ случилось, что кого то изъ созданныхъ театрѣ, не было, не

ностью, этим неотъемлемым качеством своего творчества и своей личности.

Моя тетя Полина, Катяна покрута, в ко-
торой я писала раньше, очень любила хо-
дить на похороны даже чужих ей людей.
Помню, когда мы жили на даче, как толь-
ко услышится она похоронный звон, так
ментально собирается и бежит в цер-
ковь. Это так приятно мнѣ. Стоит бы-
вало наше душевное, злое, радостное ли-
цо, а она жаждала пойти на похороны. Мы
всѣ трунили надъ ней, да и она сама тоже
конфузилась и подсмеивалась надъ собой.
«Страсть люблю поплакать», в рассказы-
вала намъ, что она такъ плачетъ на этихъ,
совсѣмъ чужихъ ей, похоронахъ, что ее
утраиваютъ даже чужие, а родные смотрятъ
съ недоумѣніемъ: «Кто же это такъ пла-
четъ, какая родня, которой мы не знаемъ».
Мама даже сердилась на нее; всѣ почти
знали другъ друга на дачѣ и какъ то не-
далеко было.

И не знала она, в чемъ плакала. В кто
могъ бы знать, о чемъ? О суетѣ ли, о брен-
ности жизни, о ея предели, о ея тиснѣ?
Но плакала она, конечно, объ жизни. Бы-
ло ей не больше 25 лѣтъ въ ту пору.

Потомъ, позже много, когда я уже игра-
ла въ «Трехъ сестрахъ», моя тетя Поли-
на всегда спрашивала меня: «А когда же
«Три сестры» будете играть теперь? Ну,
Маша, я приду, ты ужь дай мнѣ контро-
марку».

«Да вѣдь ты недавно была».
— Да вѣдь ужь, ты мнѣ дай, очень я
люблю послѣдній актъ. Вы тамъ стоите у
забора и плачете, а я то еще слышу васъ.
Такъ бы вотъ плакала, да подошла къ намъ,
встала рыцаркомъ, да и поплакала вмѣ-
стѣ всласть».

Приходила она поплакать на «Три се-
стры». И такъ послѣ похоронъ, такъ и
послѣ «Трехъ сестеръ», ея заревавшее ли-
цо было свѣтло, почти радостно, словно
уминалась ее душа этой волею сбитыхъ
слезъ. Вотъ если бы тетя Полина подошла
дѣйствительно и встала съ тремя сестрами,
она бы не смутила ихъ, ей бы познала се-

и дали поплакать вмѣстѣ, потому что пла-
кать ей, можетъ быть, объ одномъ и оди-
наковымъ, извѣстными слезами.

Другая тайна очарования Чехова — это
то, что у него нѣтъ совершенно пошлости.

Среди самыхъ культурныхъ, самыхъ та-
лантливыхъ, самыхъ воспитанныхъ людей
рѣдкіе не имѣютъ хотя бы легкой черточки
пошлости. Она, какъ бородавца, можетъ
выскочить на какомъ угодно мѣстѣ. Иногда
въ манерѣ одѣваться, иногда въ манерѣ
принимать успѣхъ и славу, иногда въ ма-
нерѣ обращаться со своими чувствами и
выражать ихъ.

Всегда пошлость скажется при выявле-
ніи самого себя. Это какое то мѣрило неяр-
кой оценки самого себя, а главное отсут-
ствие скромности. И его герои и самъ Че-
ховъ, всегда скромны.

И въ пошлости они не грѣшатъ еще и
потому, что никогда не идутъ на компро-
мисъ.

Видны они идутъ на уступки, терпѣ-
ливо подчиняются насилію обстоятельствъ,
обстановки, другихъ людей, но въ духов-
ной ихъ жизни нѣтъ и тѣни компромисса,
этой печати антихристовой, отъ которой
гибнутъ и люди и народы...

Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ признаній
всѣхъ сестеръ, Ольга говоритъ: «Я бы вы-
шла замужъ, безъ любви, все равно кто бы
ни посваталъ, все равно бы пошла, даже
за старика бы пошла, только бы порядоч-
ный человекъ. Я знаю, баронъ некрасивъ,
когда я увидѣла его въ шпатекомъ, и да-
же заплакала, но, если бы ты вышла за не-
го замужъ, я была бы счастлива, потому
что тутъ другое, совсѣмъ другое».

Это не компромиссъ, а другое, совсѣмъ
другое.

Развѣ это важно — старій, молодой,
красивый, некрасивый, богатый, бѣдный,
умный или неглупый. Важно другое.
Душа жаждетъ возлѣ и нести крестъ за-
мужней женщины, матери. Жаждетъ дѣй-
ствія.

Помню разъ, когда Москвитинъ пересталъ
играть Фезотика, онъ пошелъ смотреть въ

первый разъ «Три сестры» и пошелъ шути-
ли, Комикова по своему обыкновенію, ска-
зала мнѣ: «Слушала я, какъ вы говорите;
и за старика бы пошла, да и пошла; и
нѣтъ какой счастливый старикъ — ужь
было бы хороша для старика то».

И конечно трагедія Ольги, какъ и ее се-
стеръ, что ей такъ прекрасны.

Ольга и не стара, и красива, и умна, но
не рѣшится какъ то никто взять ее замужъ
— трудно стать въ пару съ такой благо-
родной и утонченной душой.

Когда Андрей везетъ дѣтскую коляску
въ послѣднемъ дѣйстви — это не пошло
— какъ это ни смѣшно, какъ это ни жал-
ко, но все таки это не пошлость, не ком-
промиссъ. Это смиреніе и самоотреченіе.
Онъ тоже такъ скромно и стыдливо, что
только глухому Ферапонту, и то въ минуту
боли за сестеръ, пріоткрываетъ свою ду-
шевную тайну и муку.

Нина не даромъ говоритъ: «Умѣй нести
свой крестъ».

Не просто неси свой крестъ, а умѣй не-
сти свой крестъ.

Неси его со смиреніемъ, съ кротостью,
со стыдливостью. И чѣмъ онъ тяжелѣе,
тѣмъ стыдливѣе.

Такъ раньше поступали — а говорю толь-
ко про литературу — только, можетъ быть,
Гамлетъ.

Эта стыдливость у нашего народа пере-
ходитъ въ юродивость...

У Чехова она выражается въ чудовищ-
ной, странности, комичности.

Очень яркій и трогательный примѣръ
этого — образъ Кулыгина.

Можетъ быть первоначально, въ полосу
улучшеній театра натурализма, эта роль
была сыграна односторонне и потому, да-
же съ годами, когда вѣса роль отъ году
росла и освобождалась отъ натуралистиче-
скихъ, ненужныхъ подробностей и вышн-
нихъ и въ роляхъ, эта роль Кулыгина чѣмъ
всѣхъ освобождалась отъ «первороднаго грѣ-
ха» театра, и публики изъ за этого прогла-
дила явность и чистоту этого образа, та-
кого намъ, русскимъ, близкаго и понятнаго.

Чеховъ сдѣлать его добрымъ. «Онъ са-
мый добрый», говоритъ про него Ирина.
Онъ трудится. Скромно, незамѣтно, но по-
стоянно трудится и доживаетъ своей
долей. Не благо ли это — не считать се-
бя больше своего мѣста.

Онъ не характеренъ. Когда Маша возму-
щается тѣмъ, что «Андрей зложеллъ ихъ
домъ, а деньги забрала его жена, и что
онъ должанъ помнить, если онъ порядоч-
ный человекъ, что домъ принадлежитъ не
ему одному, а начь всѣмъ», Кулыгинъ ус-
пешливо ее: «Что тебѣ до этого, у насъ
достаточно, я зарабатываю; дамъ урокъ...»

Гдѣ то у него, вѣрно, жеманить въ глупы-
нѣ души, что Маша слишкомъ трудна для
него, что не по силамъ она ему, слыш-
нокъ прекрасна для него. Онъ достаточно
скроменъ, чтобы знать это, но у него есть
вѣра. Вѣра въ все, въ свою любовь къ
ней. И эта смиренность и вѣра и благодар-
ность виднаются у него въ безхитростную
явность.

«Онъ самый добрый», говоритъ про него
Ирина и добавляетъ: «но не самый ум-
ный». И все таки веселость, радость его
шутливы, смѣшны, но не пошлы.

Отстаивая это убѣжденно, потому что
хоту доказать это собственнымъ опытомъ.
Я ставила «Три сестры» въ Нью-Йоркѣ съ
мелкими актерами и роль Кулыгина иг-
рала оляга молодая, но необыкновенно за-
рвавший актеръ и съ большимъ обаяніемъ.
Образъ вышелъ трогательный, настоя-
тельный чеховскимъ. Его любимая фраза, по-
вторяемая имъ на протяжении всей пьесы:
«си доволенъ, я доволенъ...», точно такъ
же, какъ Ирина: «работать, работать...»,
прошла почти ту же гамму съ первого дѣй-
ствія до послѣдняго.

Его доброта, его терпѣливость, кроткое
отношеніе даже къ Наташѣ, его безкоры-
стная, любовь самоотверженная, единая къ
Машѣ ставятъ его наравнѣ съ любимыми об-
разами Чехова.

Очень это характерная черта для Че-
хова — застычивость.

Его самый личнейший обязательный

образъ, прекрасная Елена Андреевна въ
«Дѣлѣ Вань», говорить про себя: «я за-
стычива».

Застычивость ее происходитъ еще и отъ
того, что она красива. Наши русскія кра-
савицы всегда застычивы, какъ бы ослѣ-
пительны или ярка ни была ихъ красота.

Застычивый Чеховъ особенно облюбо-
валъ и отыскивалъ эту застычивость, и его
Елена Андреевна единъ изъ самыхъ обя-
зательныхъ и вѣрныхъ русскихъ образомъ.

Другой такой же образъ, хотя и не въ
пьесѣ, но я приведу его, потому что не-
обыкновенно онъ прекрасенъ въ своей
скромности и застычивости. Это изъ раз-
сказа, который, кажется, называется «По-
притыль». Невозможно безъ волненія чи-
тать о скромности этого молодого талант-
ливаго ученаго, какъ онъ, базла свою вѣ-
ренную, неразлучную жену, забываетъ ее
гостей, бѣгаетъ за закусками для нихъ послѣ
утомительнаго, трудового дня, просижи-
ваетъ до утра на вестерникахъ съ ними, и
сцену, когда онъ, стѣсняясь и тономъ извѣ-
щаясь, какъ то, чуть въ изнеможеніи, гово-
ритъ ей о томъ, что онъ защитилъ диссер-
тацію.

Онъ смиренно терпѣлъ ее легкомысліе и
вѣтреность, любилъ ее. Не изъ за инерт-
ности, а потому что онъ умѣлъ нести свой
крестъ. Но внутренняго компромисса онъ
не могъ сдѣлать, и когда узналъ, что она
ему навѣвала, не могъ пережить и какъ
бы нарочно пошелъ на смерть, не только
не берегъ себя, а шелъ навстрѣчу опасно-
сти, заболѣлъ, и умеръ.

И такъ скромно, застычиво неси онъ
свой талантъ и успѣхъ и трудъ, что поир-
тунья-жена его только послѣ смерти его
узнала, каковъ былъ ее мужъ, смѣшной,
незлой, конфузливый мужъ.

Чтобы оценить вродѣ эту застычи-
вость Чехова, очень интересно вспомнить
какую-нибудь пьесу западно-европейскую,
например, Ибсена. Послѣ Чехова даже не
ловко какъ то, какъ его герои изъ всѣхъ
силъ стараются объяснить и себя самихъ
и намъ весь ходъ, весь рисунокъ своей

внутренней жизни. Изъ событій, движущихъ
словъ, мыслей они, какъ изъ картинъ,
составляютъ башню своего духа. Невоз-
можнаго таланта Чехова, это дѣйстви-
тельно производить впечатлѣніе дѣйстви-
тельныхъ въ картинкахъ.

Но зато они дѣйствены, они не играютъ.
Вспомните Нору, уходящую отъ мужа.
Она рѣшается это въ какіе нибудь полчаса
и такъ разумно и хорошо и съ такою спо-
койно объясняетъ все... И уходитъ, не
только рѣшается, но и дѣйствительно ста-
вить, даже дверь запереть хлопаетъ, такъ ста-
ственно, будто говорить: «навсегда».

И не хочу умалять достоинства и таланта
Ибсена, и даже вѣроятно, что мы, русскіе,
поняли и оценили его вернее, правдѣе
всѣхъ. И только хочу показать, насколько
Чеховъ нашъ русский. И не могу не при-
ставить себя его улыбки, когда онъ чита-
етъ Ибсена, улыбки надъ собой, надъ се-
мью, надъ какими-нибудь Ивановъ Петровичъ,
чѣмъ въ роли ибсеновской душевной дра-
мы.

Ибсень башкохъ и дорогъ, и намъ, но онъ
представитель западно-европейской жи-
зни, культуры христианской, но наша
иблишая — православная...

Чеховъ — одинъ изъ духовныхъ достоя-
нствъ этой нашей культуры. Въ настоя-
щей интеллигенціи не было мѣштанства.

Возьмите интеллигентъ средне-европей-
скаго. Онъ всегда останется «буржуа», ка-
кой бы великій умный или поэтъ или ху-
дожникъ онъ ни былъ.

Въ Англии, можетъ быть, онъ не будетъ
такъ буржуазенъ, но зато его будетъ не-
вольна традиція тянуть походитъ на лорда.

Про Чехова никакъ не скажешь, что онъ
буржуа или лордъ.

Онъ русский интеллигентъ.

Онъ Чеховъ.

Онъ аристократъ духа.

М. Германова